

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2007

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. Г. Водолазкин. Новое о палеях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов)	3
С. И. Монахов. Жанрово-стилевые модели в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»	24
Н. Н. Пайков. «Человек жизненной рутины» в поэзии Н. А. Некрасова. Статья вторая. Поэтика и творческая рефлексия. Аспекты духовного мировидения	47
А. М. Подоксенов. Г. В. Плеханов в мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина	73
Е. В. Хворостьянова. Лирика Андрея Битова: поэтика автоперевода	87

К 110-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Р. О. ЯКОБСОНА

О. М. Малевич. Роман Якобсон по-чешски	104
Р. Якобсон. Что такое поэзия?	117
Р. Якобсон. Чешский предок Пушкина	128

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. А. Шульц. Топика памятника в творчестве Гоголя и пушкинская традиция	130
Л. И. Черемисинова. Рассказ Фета «Каленик»: поэтика автобиографического повествования и литературный контекст	141
Н. А. Тарасова. Значение заглавной буквы в наборной рукописи рассказа «Сон смешного человека» («Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 год)	153
Б. Ф. Егоров. Ю. Н. Говоруха-Отрок и В. М. Гаршин	165
Неопубликованные переводы Николая Гумилева: отрывки из «Дон Жуана» Байрона (публикация К. С. Корконосенко)	173

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

© Н. А. Тарасова

ЗНАЧЕНИЕ ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ В НАБОРНОЙ РУКОПИСИ РАССКАЗА «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА»

(«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО ЗА 1877 ГОД)*

Текстологическое изучение наборной рукописи представляет особый интерес — именно этот вид текста составляет основу прижизненного издания любого произведения Достоевского. Стало быть, наборная рукопись — это, несомненно, один из главных и авторитетных источников при установлении так называемого канонического текста¹ в научном издании. Анализ рукописного материала позволяет в ряде случаев предложить новые текстологические решения применительно к «Дневнику писателя» 1877 года.

Говоря об эдиционном аспекте текстологической работы, А. Л. Гришунин заметил: «XVIII, в значительной мере и XIX век сильно злоупотреблял прописной буквой. С прописной писались наименования чинов, званий, даже профессий... и это было повсеместной и общей нормой; ничего специфически карамзинского, пушкинского, лермонтовского и т. д. в этом нет. То была дань традиции, возможно, под влиянием, например, немецкого языка, никак не оправданная целесообразностью и логикой текста».² Вместе с тем А. Л. Гришунин подчеркнул, что «от чисто условного, традиционного и ничем не оправданного написания слов с прописной буквы следует отличать те нарицательные имена, которые начинаются с прописной буквы для подчеркивания их особого значения».³ Действительно, орфографии записей следует уделять внимание. Это касается и употребления прописной буквы.

Особое значение заглавная буква приобретает в наборной рукописи апрельского выпуска «Дневника», в котором публицистические очерки о войне и Восточном вопросе соединяются с «фантастическим рассказом» «Сон смешного человека»: в обеих главах апрельской книжки появляется слово «Истина» — в наборной рукописи оно записано с заглавной буквы, и эту особенность в большинстве случаев не сохранили ни прижизненное, ни академическое издания. Между тем это написание имеет принципиальное значение как для публицистической идеи Достоевского, так и для художественного замысла. Приведем примеры.

«Здесь в Петербурге являются жертвователи на раненых и больных воинов, [которые]⁴ дают суммы по несколько тысяч, а записываются *неизвестными*. Таких фактов множество, будут десятки и сотни тысяч подобных фактов и никого ими не удивишь. Они означают лишь, что⁵ весь народ поднялся за Истину, за святое дело,

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 02-04-00101а.

¹ Об уточнении понятий «основной текст», «установленный текст», «канонический текст» и о роли эстетического подхода в текстологическом анализе см.: Лихачев Д. С. Роль эстетической оценки при выработке канонического текста литературного произведения // Лихачев Д. С. [при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва]. Текстология на материале русской литературы X—XVII веков. СПб., 2001. С. 644—653. О термине «дефинитивный текст» см.: Громова-Опульская Л. Д. Основания «критики текста» // Современная текстология: теория и практика. М., 1997. С. 23—34.

² Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 339. См. также: Дмитриева Е. Издание Гоголя: проблема этическая, эстетическая, текстологическая? // Проблемы текстологии и эдиционной практики. М., 2003. С. 45.

³ Гришунин А. Л. Указ. соч. С. 339. См. о варианте «сад» / «Сад» в «Дневнике писателя»: Галаган Г. Я. Мечта парадоксалиста (1876 год) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. С. 185.

⁴ В квадратных скобках приводится вычеркнутый Достоевским текст.

⁵ Полужирным приводится вписанный Достоевским текст.

[это] что весь народ [идет] поднялся на войну и идет» (гл. 1, § I «Война. Мы всех сильнее»).⁶

«Нет, видно, правда, что Истина покупается лишь мученичеством. Миллионы людей движутся и страдают и отходят бесследно, как бы предназначенные никогда не понять Истину. Они живут чужою мыслию, ищут готового слова и примера, схватываются за подсказанное дело. Они кричат, что за них авторитеты, что за них Европа. Они свистят на несогласных с ними, на всех презирающих лакейство мысли и верящих в свою собственную и народа своего самостоятельность. И что же, [в сущно(сти)] на самом-то деле эти [миллионы] массы кричащих людей предназначены [лишь] послужить собою лишь косным средством для того, чтоб разве единицы лишь из них [подошли] приблизились сколько-нибудь к Истине, или по крайней мере получили бы о ней хоть предчувствие» (гл. 1, § I «Война. Мы всех сильнее»).⁷

В этих двух публицистических фрагментах первой главы апрельского выпуска, предваряющей «фантастический рассказ» Достоевского, Истина связывается с идеей сострадания, сочувствия; здесь же возникает и мысль, повторенная в рассказе и полемически осмысленная: «Истина покупается страданием».

Во второй главе слово «истина» один раз написано со строчной буквы, когда оно оказывается в составе устойчивого выражения «старая истина» (т. е. используется в значении «давно известное»⁸): «Я ведь и теперь все это как день вижу, но послушайте: кто ж не сбивается? А между тем ведь все идут к одному и тому же, по крайней мере, все хотят идти к одному и тому же, от мудреца до последнего разбойника, только разными дорогами. Старая это истина, [да ведь мир ими-то и живет], но вот что [главное] тут новое: Я и сбиться очень не могу» (гл. 2, «Сон смешного человека», § V).⁹

В этом случае под «истиной» понимается «общее место», или, по определению Н. Д. Арутюновой, «нормативное суждение, не подлежащее верификации»: это «наравочительная истина», выражающая «житейский опыт».¹⁰

На разграничение значений понятия «истина» в тексте Достоевского указывают многие другие примеры подобного рода, когда данное слово и его производные употребляются со строчной буквы: «...уже совершенно известно было, что все бесчисленные рассказы о бесчисленных мучениях и истязаниях Славян — совершенная истина, — истина, засвидетельствованная теперь тысячею свидетелей и очевидцев всех наций» (июль—август, гл. 3, § IV «Сотрясение Левина...»);¹¹ «...признают они эту войну за великий подвиг, предпринятый для освобождения их, решите-ка это? Да ни за что на свете не признают! Напротив, выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок...» (ноябрь, гл. 2, § III «Одно совсем особое словцо о славянах»);¹² «...к ним дошло бы самое полное, точное и истинное сведение о всей силе духа, чувства и непоколебимой веры народа Русского...» (сентябрь, гл. 2, § II «Слизняки, принимаемые за людей. Что нам выгоднее: когда знают о нас правду или когда говорят о нас вздор?») и др.

⁶ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 3. Благодарю заведующего НИОР РГБ В. Ф. Молчанова и сотрудников отдела за предоставленные рукописные материалы.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ См., например: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. IV. С. 252—253; Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000. Т. IV. Стлб. 491.

⁹ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 83.

¹⁰ Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 30.

¹¹ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 198.

¹² РГБ. Ф. 93.1.2.13. Л. 171.

¹³ Там же. Л. 53.

Как правило, со строчной буквы существительное «истина» и его производные пишутся, если выражают значения: «правда», «правдивый», «настоящий», «соответствующий действительности», «именно такой», «именно тот». Считается, что названные смыслы — древнейшие. По утверждению М. М. Маковского, «первобытные люди верили, что чувственный мир и мир „иной” составляют единое целое: древнейшим значением, из которого развилось значение „истина”, было указательно-идентифицирующее значение „тот самый, именно тот” — „один, единый” — „другой»».¹⁴ Характеризуя употребление концепта истины в современном языке, Н. Д. Арутюнова отметила следующее соотношение «истины» и «правды»: «О Божественном мире и его аналогах говорят в терминах *истины*. Это же слово используется в эпистемических контекстах. Ему отдается предпочтение (часто из соображений стили) и тогда, когда речь идет о человечестве, его идеалах и конечных целях, между тем как проекция Божественного мира на жизнь и речевую деятельность людей обозначается словом *правда*. Правда — это отраженная Истина, истина в зеркале жизни, преломившаяся в бесчисленных его гранях. {...} Будучи категорией жизни, правда распределена между множеством ее сфер... Истина имеет одного Владельца («Наставь меня, Господи, на путь Твой и буду ходить в истине Твоей»), правда — многих...».¹⁵

В языке Достоевского названное смысловое соотношение «истины—правды» и «Божественной Истины» также присутствует. Обратим внимание на то, в каких случаях слово «Истина» употребляется с прописной буквы: «Грустно потому, что они не знают Истины, а я знаю Истину. Ох как тяжело одному знать Истину!» (гл. 2, «Сон смешного человека», § I);¹⁶ «И вот, после того уже, я узнал Истину. Истину я узнал в прошлом ноябре, и именно [семнадцатого] третьего ноября, и с того времени я каждое мгновение мое помню» (гл. 2, «Сон смешного человека», § I).¹⁷

«Истиной» здесь назван сон героя, но рассказ об Истине, явившейся во сне, предваряется эпизодом с девочкой: герой — человек изверившийся, усомнившийся в жизни, собравшийся покончить с собой, вдруг остро испытывает жалость к одинокому брошенному ребенку («Я помню, что я ее очень пожалел, до какой-то даже странной боли и совсем даже невероятной в моем положении»¹⁸); уже здесь появляется «предчувствие Истины», но словесного выражения она не находит.

Исследователи задавались вопросом о значении двух дат, указанных в тексте Достоевского: вначале семнадцатое, затем — после правки — третье ноября «прошлого» года. Ю. Ф. Карякин полагает, что последнюю дату следует соотносить с днем первого посещения Достоевским дома А. Г. Сниткиной в 1866 году.¹⁹ В. В. Борисова связывает авторское внимание к точным датам с образом героя-пророка: «Все пророки точно называют время своего посвящения, тем самым утверждая сакральную ценность мгновения, за которым стоит вечность. Достоевский эту традицию не нарушил».²⁰ Смысл названных дат тем не менее до сих пор остается неясным. Если предполагать, что Достоевский в 1877 году ведет речь о ноябре

¹⁴ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 185. См. также: Лукин В. А. Концепт истины и слово *истина* в русском языке // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 63—86.

¹⁵ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 33.

¹⁷ Там же. Л. 37.

¹⁸ Там же. Л. 45. Ср.: «Оказывается, что чувства жалости к девочке и стыда за грубый и бесчеловечный поступок по отношению к ней, неожиданно возникшие в душе „смешного человека”, более прочными узами связывают его с людьми и миром (с которыми он мысленно уже распрощался), нежели он предполагал» (Сабиров Вл. Откровение сердца. «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского в традиции русского философствования // Бежин луг: Русский литературно-исторический журнал на Родине и в рассеянии. 1995. № 2. С. 127).

¹⁹ См. подробнее: Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века. М., 1989. С. 397—398.

²⁰ Борисова В. В. Антропологический эксперимент Ф. М. Достоевского // Найти в человеке человека. Екатеринбург, 1996. С. 13.

«прошлого», т. е. 1876 года, то возникают определенные параллели с произошедшими в то время в жизни писателя событиями. Согласно «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского», 17 ноября 1876 года Достоевский «записывает в тетради свои мысли в связи с полученным в этот день письмом М. А. Юркевича»,²¹ содержание которого (рассказ о самоубийстве ученика прогимназии) отражено в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год (гл. 2, § V «Именинник»). В черновых заметках этот случай связан с темой «пошатнувшейся семьи»,²² в печатном тексте «Дневника» автор уточняет свою мысль: «У нас есть бесспорно жизнь разлагающаяся и семейство, стало быть, разлагающееся. Но есть, необходимо, и жизнь вновь складывающаяся, на новых уже началах. Кто их подметит, и кто их укажет?»²³ Интересно то, что другая дата, вошедшая в окончательный текст рассказа «Сон смешного человека», — 3 ноября — также соотносима с семейной темой в связи с судебным процессом по делу Корниловой. «Ноября 1—3» 1876 года Достоевский «дважды посещает прокурора С.-Петербургской судебной палаты Э. Я. Фукса, у которого получает разрешение на свидание с осужденной Е. П. Корниловой „несколько раз“, а также узнает о ходе кассационного прошения по ее делу»; «ноября 3—4» писатель «посещает Е. П. Корнилову, находящуюся в Доме предварительного содержания преступников, беседует с ней, а также разговаривает с помощницей смотрительницы тюрьмы А. П. Борейшей».²⁴ Как известно, о деле Корниловой, выбросившей из окна свою падчерицу, Достоевский говорил в «Дневнике писателя» (1876—1877) и способствовал пересмотру судебного решения.²⁵ В апреле 1877 года Достоевский сообщил читателям об освобождении Корниловой, причем известие это помещено сразу после рассказа «Сон смешного человека». По замечанию В. Н. Азбукина, «цикл очерков о Корниловой своеобразно обрамляет „Сон смешного человека“».²⁶ Композиционная организация материала в этом случае, как и во многих других, отражает тематическую связь публицистических рассуждений автора с идеями, облеченными в художественную форму. Раздел «Освобождение подсудимой Корниловой» заканчивается выводом о том, что оправданная «вошла опять в свой дом, почти после годового отсутствия, с впечатлением огромного вынесенного ею урока на всю жизнь и явного Божьего²⁷ перста во всем этом деле, — хотя бы только начиная с чудесного спасения ребенка» (25. 121). Позднее, в декабре 1877 года, писатель пояснит свое отношение к вопросу об освобождении Корниловой: «...скажите, что толку в том, что погибла, истлела бы жизнь, которая теперь, кажется, возобновилась вновь, возвратилась к истине в суровом очищении, в суровом покаянии и с обновившимся сердцем. Не лучше ли исправить, найти и восстановить человека, чем прямо снять с него голову»²⁸ (26.

²¹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821—1881: В 3 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1995. Т. III. С. 146.

²² РГАЛИ. Ф. 212.1.16. Л. 153. Благодарю директора РГАЛИ Т. М. Горяеву и сотрудников архива за предоставленные рукописные материалы.

²³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 35 (далее в скобках указание тома и страницы).

²⁴ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. III. С. 141.

²⁵ Об участии Достоевского в деле Корниловой см.: Рак В. Д. Юридическая ошибка в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 154—159 (статья напечатана также в издании: Рак В. Д. Пушкин, Достоевский и другие. (Вопросы текстологии, материалы к комментариям). СПб., 2003. С. 468—475); а также примечания А. И. Батюто (25. 410).

²⁶ Азбукин В. Н. Внетекстовые связи во взаимодействии реалистического и романтического. «Сон смешного человека» в контексте «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского // Романтизм в системе реалистического произведения. Казань, 1985. С. 62.

²⁷ В цитатах из Полного собрания сочинений воспроизвожу по прижизненным изданиям заглавные буквы в сакральной лексике (не отраженные в печати в условиях советской цензуры).

²⁸ В этом высказывании Достоевского повторяется мысль о «восстановлении погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных

106). Вполне очевидно авторское соотнесение этого реального факта, показывающего восстановление человеческой души, с художественным образом, выведенным в рассказе «Сон смешного человека». ²⁹ Пассаж о деле Корниловой в апрельской книжке «Дневника писателя» 1877 года становится своего рода послесловием к художественному тексту — выходом в реальность, подтверждающим авторскую идею. ³⁰ Стало быть, исправление даты — с 17 на 3 ноября — имеет определенный смысл: с «17 ноября» ассоциируется тема «пошатнувшейся семьи»; «3 ноября» выводит к размышлениям о «жизни складывающейся», пример которой Достоевский обнаруживает в деле Корниловой. Так случай из жизни соединяется с гениальным художественным обобщением темы в рассказе «Сон смешного человека».

В приведенном здесь декабрьском суждении автора также появляется слово «истина», напечатанное со строчной буквы. В наборной рукописи этот фрагмент текста содержит довольно многочисленную правку, а, главное, в рукописном варианте вместо существительного «истина» используется наречие «воистину» (в значении «подлинно», «действительно»), написанное раздельно (особенность орфографии Достоевского при употреблении наречных сочетаний, образованных от существительного с предлогом): «...скажите, что толку в том, что погибла, истлела бы жизнь, которая теперь, кажется, возобновилась вновь, воссоздалась во истину в суровом очищении, в суровом покаянии, в обновившемся сердце. И это для трех существ человеческих! Не лучше ли исправить, найти и восстановить человека, чем прямо снять с него голову?» ³¹ Слово «истина» появляется на стадии корректуры, но, поскольку этот текст не сохранился, нельзя судить о том, какая форма — строчная или прописная — использована автором. Характер правки (вместо «воссоздалась воистину» — «возвратилась к истине») указывает на переосмысление самого суждения, на уточнение мысли, — стало быть, Достоевский мог написать слово «истина» с заглавной буквы, но, как и в других случаях, это не было отражено в печати. Основания для такого вывода имеются. Для того чтобы они стали более очевидны, рассмотрим другие примеры.

«Они дразнят меня теперь тем, что ведь это был только сон. Но неужели не все равно, сон или нет, если сон этот возвестил мне Истину? Ведь если раз узнал Истину и увидел ее, то ведь знаешь, что она Истина и другой нет и не может быть, спите вы или живете. Ну и пусть сон, и пусть, но эту жизнь, которую вы так превозносите, я хотел погасить самоубийством, а Сон мой возвестил мне вечную ³² жизнь» (гл. 2, «Сон смешного человека», § II). ³³

Здесь в первом случае употребления и в прижизненном, ³⁴ и в академическом (25. 109) изданиях слово «Истина» воспроизводится с заглавной буквы, но далее

предрассудков», прозвучавшая в предисловии к переводу романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», опубликованному в журнале «Время» в 1862 году (20. 28).

²⁹ См.: Азбукин В. Н. Указ. соч. С. 63.

³⁰ Такой прием композиционного соотнесения разноплановых материалов применяется, к примеру, в октябрьском и ноябрьском выпусках «Дневника писателя» 1876 года, где тема самоубийства представлена вначале в публицистической (раздел «Приговор»), затем в художественной форме (повесть «Кроткая») (см.: Поддубная Р. Н. Малая проза в «Дневнике писателя» и «Братьях Карамазовых» (Идейно-художественные переключки и сопряжения) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 132). Публицистические и художественные главы произведения взаимосвязаны, и их соотнесение объясняется самой спецификой творческого процесса Достоевского: по верному определению В. А. Туниманова, рассказы и повести в составе «Дневника писателя» «иногда призваны „художественно“ подкрепить публицистические тезисы и profession de foi Достоевского» (Туниманов В. А. Публицистика Достоевского. «Дневник писателя» // Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972. С. 202).

³¹ РГБ. Ф. 93.1.2.13. Л. 241.

³² В окончательном тексте — «новую, великую, обновленную, сильную».

³³ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 51.

³⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. СПб., 1878. С. 100.

этот принцип нарушается. Между тем однократное начертание слова с заглавной буквы запутывает читателя — можно подумать, что здесь автор придал высказыванию какой-то особый смысл,³⁵ хотя в действительности *во всех случаях употребления слова «Истина»* в данном контексте в наборной рукописи используется прописная буква.

Следующие примеры: «Видите ли что, опять-таки: Пусть, пусть это был только Сон! Но [зато я видел Истину, соприкоснулся с ней]» (гл. 2, «Сон смешного человека», § IV);³⁶ «Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением[. Они]; тогда у них явилась наука» (гл. 2, «Сон смешного человека», § V).³⁷

Эти случаи употребления прописной буквы отражены в печатном тексте прижизненного издания (с. 106) и академического (25. 116) и подтверждают, что воспроизведение авторского написания в публикациях носит неупорядоченный характер.

В финальной части рассказа встречаем написание, соответствующее сути высказывания (но не нашедшее отражения в печати): «Я поднял [мои] руки и воззвал к вечной Истине; [я] не воззвал, а заплакал; восторг, неизмеримый восторг поднимал все существо мое. Да, жизнь, и — проповедь!» (гл. 2, «Сон смешного человека», § V).³⁸

Автор показывает постепенное приближение героя к Истине. В этом контексте («воззвал к вечной Истине», а до этого: «И я вдруг воззвал, не голосом, ибо [был] был недвижим, но всем существом моим к властителю всего того, что совершалось со мною...» — л. 53; «Я воззвал и смолк», «Я вдруг прозрел...» — л. 55) появляется легко узнаваемая аллюзия на стихотворение Пушкина «Пророк», призванная подчеркнуть, что речь идет не только о приближении к Истине, но и о духовном преображении героя (одно здесь связано с другим).³⁹ Закономерно, что в рассказе Достоевского (как и в пушкинском стихотворении) используется высокая лексика — в «Сне смешного человека» она сочетается с исповедальным стилем, проявляющимся в начале и финале произведения и создающим «эффект „соприсутствия“», благодаря которому читатель вовлекается «в процесс постижения истины».⁴⁰

И наконец, в следующих строках Истина находит словесное выражение: «Потому, что Я видел Истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой верой-то моей и смеются. Но как мне не верить: Я видел Истину, — не то что избрал умом, а видел, видел, и *живой образ* ее наполнил душу мою навеки» (гл. 2, «Сон смешного человека», § V).⁴¹

Здесь же речь идет об Истине, спасающей и отвращающей от лжи: «Знаете, я хотел даже скрыть, вначале, что я развратил их всех, но это была ошибка, — вот

³⁵ Пример такого восприятия текста находим в цитированной статье: «Как понимать истину, о которой так много и с таким пафосом говорит „смешной человек“? Ведь даже написание слова „истина“ в тексте неодинаково: то оно пишется с прописной, а то со строчной буквы» (*Сибиров Вл. Указ. соч. С. 129*).

³⁶ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 65.

³⁷ Там же. Л. 75.

³⁸ Там же. Л. 81.

³⁹ О соотношении смешного человека с образом пророка см.: примечания В. А. Туниманова (25. 401, 403, 408); *Карякин Ю. Ф. Указ. соч. С. 377, 395—396*; *Захарова Т. В. «Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского (Три «пророка») // Достоевский и современность. Новгород, 1991. Ч. II. С. 79*; *Борисова В. В. Указ. соч. С. 13—18*; *Сыромятников О. И. Русская идея в рассказе Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Словесность и современность: В 3 ч. Пермь, 2000. Ч. 1. С. 35*; *Каскина Ю. У. Блок и Достоевский. (Реконструкция блоковских помет в «Дневнике писателя» 1877 г. Достоевского) // Александр Блок и мировая культура. Вел. Новгород, 2000. С. 205.*

⁴⁰ *Николина Н. А. Стиль и композиция рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Русский язык в школе. 1996. № 4. С. 75—76.*

⁴¹ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 83.

уже первая ошибка! Но Истина шепнула мне, что я лгу, и охранила меня и направила» (гл. 2, «Сон смешного человека», § V).⁴²

Очевидно, что слово «Истина», записанное Достоевским с заглавной буквы, в этом орфографическом оформлении обретает особый художественный смысл, основанный на христианских представлениях. Приведем библейские значения слова «истина».

В Евангелии от Иоанна истина связывается с образом Христа: «Ибо закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошла чрез Иисуса Христа» (Иоан. 1:17).⁴³ Иисус Христос называет себя истиной в разговоре с Фомой: «...Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14:6). Вместе с тем Иисус Христос определяется и как посланник Бога: «...и знаете Меня, и знаете, откуда Я; и Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете» (Иоан. 7:28).

В связи с этим в Священном Писании важно и значение истины как «Слова Божия»: «Освятите истинною Твоею: слово Твое есть истина» (Иоан. 17:17).

Кроме того, истина противопоставляется дьявольской лжи: «Ваш отец Дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоан. 8:44). В первом соборном послании Иоанна Богослова к сфере «лжи» относится греховное блуждание человека во тьме безверия — ложь, таким образом, соотносена с грехом и безбожием (1 Иоан. 1:6—8; ср.: «Кто говорит: „я познал Его“, но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины» — 1 Иоан. 2:4⁴⁴), истина — с праведностью и обретением веры.

Иоанн Богослов видит истину в деятельной любви: «Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1 Иоан. 3:18).

Еще одно важное евангельское значение — истина как освобождение: «Тогда сказал Иисус уверовавшим в Него Иудеям: ежели пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан. 8:31—32).⁴⁵ Идея обретения истины как прозрения и освобождения встречается и в Ветхом Завете, в книге пророка Исаии: «Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников, чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме — из темницы» (Ис. 42:6—7, ср.: Ис. 61:1).

Все указанные смыслы присутствуют и в рассказе Достоевского, что свидетельствует о христианской основе сюжета. Христианские идеи настолько значимы, что даже в том случае, когда автор использует (повторно) устойчивое выражение «старая истина», но помещает фразеологизм в евангельский контекст, меняется написание — в слове «истина» появляется заглавная буква: «А между тем так это просто: в один бы день, в *один бы час* — все бы сразу устроилось. Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все: тотчас найдешь, как ужиться. А между тем ведь опять — старая Истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась-же!»⁴⁶

⁴² Там же.

⁴³ Изучение текста Нового Завета, подаренного писателю Н. Д. Фонвизиной в 1850 году (Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. СПб., 1823 — РГБ. Ф. 93.1.5в.1), показывает, что Достоевский выделял библейские изречения об истине. Так, отмеченная цитата из Евангелия от Иоанна отчеркнута карандашом (с. 215).

⁴⁴ В Новом Завете Достоевского эти строки отчеркнуты карандашом (с. 386—387).

⁴⁵ В Новом Завете Достоевского эти строки отчеркнуты карандашом и сопровождаются знаком NB (с. 240).

⁴⁶ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 85. Ср. с использованием производной формы: «Но зато [воплощение сна моего, образы и формы его об(аятельны)] действительные образы и формы сна моего были, [до того полны] в тот роковой час моего сновидения, восполнены до такой гармонии, были до того обаятельны и прекрасны [в самые часы сновидения моего] и до того были Истин[ы]ны, что проснувшись я не мог воплотить их в слабые слова наши...» (РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 73).

Пояснения требует часто цитируемое выражение «живой образ» истины, под которым подразумевают сон героя и явившийся во сне образ «золотого века»;⁴⁷ «живое чувство, приходящее на последнем пределе „все позволено“, когда вдруг ощущается содрогание живой связи там, где ее не ждал и в нее не верил»;⁴⁸ «развертывание идеи, создание ее образа».⁴⁹ Представляется возможным в этом случае говорить и о новозаветной реминисценции, на которую автор указал, в рукописи подчеркнув словосочетание «живой образ» (в печатном тексте появилось курсивное выделение). Говоря о связи концепта истины с религиозным сознанием, Н. Д. Арутюнова замечает: «Божественная Истина познается откровением. М. Хайдеггер, понимавший греч. ἀλήθεια как то, что „надлежит вырвать у утаенности“... определяет истину как „откровение бытия“. Истина не говорит, а „показывает“ себя. Откровение («образ истины») не нуждается в обосновании. Оно дается верой, имплицитующей единственность истины».⁵⁰ В Библии «живой образ» Истины — это Иисус Христос, передавший людям Слово Божие: «Естьли же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих; у коих бог века сего ослепил умы, так что для них не сияет свет славного благовествования о Христе, Который есть образ Бога невидимого» (2 Кор. 4:4⁵¹), «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе. Он будучи образом Божиим, не превозносился тем, что Он равен Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, соделавшись подобным человекам, и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2:6—8; ср.: Кол. 1:15, Евр. 1:3). «Живой образ» Истины — образ Христа,⁵² указавшего людям путь к вере, — важен и для героя Достоевского, открывшего для себя «жизнь вечную».

Выражение «вечная жизнь» — прямая авторская отсылка к Библии, где это изречение (в вариантах: «вечная жизнь» и «жизнь вечная») связывается с соблюдением христианских заповедей (Мф. 19:18; ср. с Иоан. 12:50: «И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная», с Рим. 2:6—8) и верой: «Подвизайся добрым подвигом веры, достигай вечной жизни, для которой ты и призван, и которую исповедал добрым исповеданием пред многими свидетелями» (1 Тим. 6:12).⁵³ «Полный православный богословский энциклопедический словарь» указывает на двойное истолкование понятия «жизнь вечная» в христианской традиции: в первом случае данное выражение становится «определением будущей, загробной жизни» (св. апостол Павел; Василий Великий, Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин), в другом понимании «в(ечная) ж(изнь) обретается раньше воскресения из мертвых (Иоан. 6:54) с нашим совершенствованием и приближением к Богу»; согласно этому представлению, жизнь земная и жизнь загробная составляют жизнь вечную, т. е. «ис-

⁴⁷ Пруцков Н. И. Утопия или антиутопия? // Достоевский и его время. Л., 1971. С. 100.

⁴⁸ Касаткина Т. Краткая полная история человечества («Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского) // Достоевский и мировая культура. СПб., 1993. № 1. Ч. 1. С. 67.

⁴⁹ Николина Н. А. Указ. соч. С. 79.

⁵⁰ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 23. См. также: Гринцер Н. П. Греческая ἀλήθεια: очевидность слова и тайна значения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 38—44.

⁵¹ В Новом Завете Достоевского возле этих строк поставлен крест (помета ногтем) (с. 470—471).

⁵² Ср. с высказанным в июньском выпуске «Дневника писателя» 1876 года (рукописный текст этого фрагмента не сохранился): «Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, — Православие, что она — хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах» (23. 46).

⁵³ В Новом Завете Достоевского эти строки отчеркнуты ногтем (с. 543).

тинно христианскую» и начинающуюся «с самого крещения» (св. апостол Иоанн Богослов; Климент Александрийский).⁵⁴ В рассказе Достоевского отчетливее звучит это второе значение. Для сравнения отметим, что принципиально иной смысл указанное выражение имеет в известном диалоге Ставрогина и Кириллова в романе «Бесы»:

«— Вы стали веровать в будущую вечную жизнь?

— Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную. Есть минуты, вы доходите до минут, и время вдруг останавливается и будет вечно» (10. 188).

Ставрогин, «нахмуренно и брезгливо» следящий за Кирилловым, спрашивает о вечной жизни, имея в виду традиционные христианские представления. Кириллов, для которого «и кто размозжит голову за ребенка, и то хорошо; и кто не размозжит, и то хорошо» (10. 189), очень далек от христианского понимания «жизни вечной» как проявления веры, соблюдения заповедей и духовного совершенствования. Данный пример показывает, что библейская цитата, попадая в художественное произведение, контекстуально обретает новые смыслы и функции в зависимости от содержания тех или иных образов.⁵⁵

Все отмеченные в рассказе «Сон смешного человека» библейские реминисценции и цитаты формируют единый смысловой контекст, в котором проясняется значение слова «Истина». Герой Достоевского приходит именно к христианской Истине веры, сострадания, смирения, деятельной любви и духовной проповеди — и в этом случае форма написания слова с заглавной буквы, несомненно, имеет значение. Делая этот вывод, надо учитывать, что в данном тексте Истина и Христос не составляют известной антиномии, заявленной Достоевским в письме к Н. Д. Фонвизиной и позднее в романе «Бесы».⁵⁶ Напротив, Истина и Христос в рассказе «Сон смешного человека» соединяются в органическое целое.

Интересно было бы посмотреть, как слово «истина» написано в автографе письма Достоевского к Н. Д. Фонвизиной и в рукописи романа «Бесы», но, к сожалению, в настоящее время исследователи не располагают такой возможностью: оригинал письма и та часть рукописного текста романа, где появляются соответствующие строки, неизвестны. Между тем сохранились черновые наброски к роману «Братья Карамазовы» (в частности, к поэме «Великий инквизитор»), в которых встречается слово «истина», причем в разных вариантах написания, передающих определенные авторские идеи. Так, заметка, относящаяся к речи инквизитора, содержит следующее написание:

«Блудница

Пусть разорвут —

Но ты не имеешь права —

⁵⁴ Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1992. Т. I. Стлб. 886—887. В «Словаре языка Достоевского» в числе других значений прилагательного «вечный» отмечено следующее: «Независимый от времени, неизменный во времени; связанный с религиозной верой в загробную, вневременную жизнь» (см.: Коробова М. М. Вечный // Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2001. Вып. 1. С. 75).

⁵⁵ По замечанию М. М. Коробовой, «та или иная цитата непосредственно связана с образом персонажа, с его характеристикой» (Коробова М. М. Цитаты и крылатые выражения в художественных произведениях Ф. М. Достоевского: О проекте словаря // Слово Достоевского. М., 1996. С. 55).

⁵⁶ О данной проблеме см. подробнее: Буданова Н. Ф. Достоевский о Христе и истине // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 21—29; Дудкин В. В. Достоевский — Ницше. (Проблема человека). Петрозаводск, 1994. С. 89; Тихомиров Б. Н. 1) Христос и Истина в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» // Достоевский и мировая культура. СПб., 1999. № 13. С. 147—177; 2) Достоевский и гностическая традиция. (К постановке проблемы) // Там же. СПб., 2000. № 15. С. 174—181; Никитина Ф. Г. Достоевский против Гегеля // Там же. СПб.; М., 2004. № 20. С. 132—147.

А за мной Истина (в слове изначально была строчная «и», к которой прибавлены две верхние выносные линии, превращающие строчную форму в прописную. — Н. Т.) и тогда разорви, если можешь — ». ⁵⁷

В печатном тексте этому наброску соответствуют строки: «Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих *тайну*, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее „гадкое“ тело. Но я тогда встану и укажу Тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред Тобой и скажем: „Суди нас, если можешь и смеешь“» (14. 236—237). Достоевский не случайно исправил в черновике начертание со строчного на прописное: заглавная буква здесь словно подчеркивает стремление инквизитора (воплощающего собой католическую церковь) заменить Христа, установив земное господство «вне Бога и вне Христа» (ср.: «Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили подвиг Твой*» — 14, 237; см. также «Дневник писателя» за 1876—1877 годы). ⁵⁸

В другом случае, напротив, прописная буква в слове «истина» отсутствует:

«Тайну —

что истины нет,

Бога, т. е. того Бога,

Которого ты проповедовал». ⁵⁹

В окончательном тексте имеется тематическое соответствие: «И я ли скрою от Тебя тайну нашу? Может быть, Ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: Мы не с Тобой, а с *ним*, вот наша тайна! Мы давно уже не с Тобою, а с *ним*, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию» (14. 234). Здесь — и в черновом, и в печатном вариантах — очевидно авторское указание на ложность католической идеи. В речи инквизитора Истина обесценивается через отрицание — появляется соответствующее орфографическое оформление темы: существительное «истина» и местоимение «ты», обозначающие Христа, написаны со строчной буквы. Но автор опровергает сказанное героем: обращение инквизитора к Христу содержит заглавное написание сакральных именованных («Бога», «Которого», а в окончательном тексте и прописную форму местоимения «Ты»); определение дьявола дано графически, при использовании курсива и строчной буквы в личном местоимении. По точному выражению В. Н. Захарова, заглавная буква «устанавливает иерархию понятий, являясь своего рода „метафизикой текста“». ⁶⁰ Таким образом, можно сделать вывод, что и в более позднее время, в работе над последним романом, Достоевский использовал возможности графического и орфографического акцентирования идей.

Возвращаясь к «Дневнику писателя» и рассказу «Сон смешного человека», отметим еще один важный момент. Достоевский соотносит «Истину» с «премудростью», причем последнее понятие оказывается связанным с библейскими представлениями. В первом послании святого апостола Павла к Коринфянам говорится о человеческой премудрости, которая без веры в Бога представляет собой лишь умствование и слабость духа: «Ибо когда мир *своею* мудростию не познал Бога в пре-

⁵⁷ ИРЛИ. Ф. 100. № 29444 (лист не пронумерован). Благодарю заведующую Рукописным отделом ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Т. С. Царькову и сотрудников отдела за предоставленные рукописные материалы.

⁵⁸ См., кроме того, примечания В. Е. Ветловской (15. 562).

⁵⁹ РГБ. Ф. 93.1.2.1/7. Л. 37.

⁶⁰ Захаров В. Н. Канонический текст Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 355, см. также с. 357.

мудрости Божией; то благоугодно было Богу спасти верующих невежеством проповеди» (1 Кор. 1:21⁶¹); «И слово мое и проповедь моя *состояли* не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы: дабы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость же проповедуем мы между совершенными, мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы» (1 Кор. 2:4—8). В ветхозаветном тексте также речь идет об истинной премудрости: «Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя; посему ничто оскверненное не войдет в нее. Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его. Она — одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков, ибо Бог никого не любит, кроме живущего с премудростью» (Прем. 7:25—28). Здесь премудрость понимается как чистота души, как пророческий дар.

В «Сне смешного человека» премудрость определяется как «знание», результат развития «науки». Тема обожествления науки тоже находит особое графическое оформление в рукописном тексте — слово «наука» написано с большой буквы в следующем случае: «Они отвечали мне: „Пусть мы лживы, злы и несправедливы, [но у нас есть] *мы знаем* это, и плачем об этом, и мучим себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот Судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем; но у нас есть Наука и через нее мы отыщем вновь Истину, но примем ее уже сознательно. Знание выше чувства, Сознание [жизни] жизни — выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья выше [самого] счастья”». ⁶² В сообществе, избравшем ложный путь, наука становится заменителем, суррогатом Истины — Достоевский подчеркивает эту мысль, используя написание слова «наука» с заглавной буквы в высказываниях героев. ⁶³ Слово «премудрость» пишется здесь со строчной буквы без вариантов. Используя современную терминологию, можно сказать, что в тексте Достоевского сталкиваются религиозная Истина и рациональная (эпистемическая) истина: «Религиозную истину ощущают в сердце, рациональную — в голове. (...) Перемещение из сердца в голову — рационализация истины — лишает ее опоры». ⁶⁴ По справедливому замечанию В. А. Туниманова, «„Смешной человек” объявляет войну позитивистским принципам „научной” переделки мира» (25. 405). В связи с религиозным подтекстом рассказа важно суждение В. В. Дудкина о соотношении двух истин: «Будучи для Достоевского истиной экзистенциальной, Христос противопоставлен истине гносеологической. Будучи творчеством и жизнью, он противопоставлен истине схоластической и догматической». ⁶⁵ Отме-

⁶¹ В Новом Завете Достоевского возле этих строк знак креста (помета ногтем) (с. 435).

⁶² РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 77.

⁶³ Другой пример, когда использование прописной буквы становится смысловым (здесь связано с темой возвеличения ложной идеи): «Утратив всякую веру в бывшее счастье, назвав его сказкой, они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь, опять, что пали перед желанием сердца своего, как [де] дети, обоготворили это желание, настроили ему храмов и стали молиться своей же Идее, своему же „желанию”, в то же время вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему» (Там же. Л. 77); «Все воюющие твердо верили в то же время, что Наука, премудрость и чувство самосохранения заставят наконец человека соединиться в согласное и разумное общество, а потому пока, для ускорения дела, „премудрые” (п/ж курсив — вставка в окончательном тексте. — Н. Т.) старались поскорее [истребить] истребить всех „непремудрых” и не понимающих их Идею *чтоб они не мешали торжеству ее* (п/ж курсив — вставка в окончательном тексте. — Н. Т.)» (Там же. Л. 79).

⁶⁴ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 24.

⁶⁵ Дудкин В. В. Указ. соч. С. 89.

тим также указание Т. А. Касаткиной на противопоставленность чувства и разума в их отношении к окружающему миру: «...чувство объединяет человека с миром — и в этом смысле разрушает самостные границы. Разум же пребывает всецело в границах личности. Если чувство обращено на мир как на свое, то разум — только как на другое»⁶⁶ — и антитезу Г. С. Померанца: «ум сердца, устремившийся навстречу целостной истине» и «ум дробящий, который целостность не способен вместить».⁶⁷ Г. Я. Галаган, анализируя проблему «лучших людей» в творчестве Достоевского, подчеркивает, что «весь период продумывания вопроса о „лучших людях“ в 1876 г. сопровождался размышлениями Достоевского о возможностях ума и сердца. Итоги этих размышлений — в первом разделе первой главы январского выпуска „Дневника писателя“ за 1877 г. Причины длительного всеобщего обособления в русском обществе связываются Достоевским с ошибками и отклонениями ума, которые излечиваются не логическим разъяснением, а логикой событий живой жизни».⁶⁸ Это суждение актуально и для рассказа «Сон смешного человека»: показанные автором картина разрушения Целого, процесс разъединения людей, живших на «фантастической» планете, проецируются на реальную историю человечества и ситуацию в современном Достоевскому обществе. Учитывая это, обратим внимание на еще одно написание.

В «Дневнике» за май—июнь трижды встречается прописная форма слова «премудрость» (что тоже не отражено в печатном тексте) — и уже в другом тематическом ряду. Достоевский вновь употребляет слово в противоположном смысле: здесь «Премудрость»⁶⁹ («высшая Премудрость») — это ироничное авторское определение российской и европейской дипломатии, не способной верно оценить роль России в мировой истории (прижизненное издание — с. 135, 138, 140; академическое — 25, 144, 147, 150). В апрельском и майско-июньском выпусках неоднократно упоминаются «мудрецы» и «премудрые» (эти слова всегда написаны с маленькой буквы). Возникающий здесь новый смысл согласуется с почвенническими идеями Достоевского: речь идет о «русских европейцах», не верящих в будущее своей страны, не помнящих своего прошлого, духовно отъединенных от народа и тем не менее считающих себя вправе судить об историческом пути России. В тексте Достоевского прописное и строчное начертания значимых понятий сочетаются, создавая сложное взаимодействие смыслов и во всех случаях выражая авторское отношение к теме.

Обобщая сказанное, отметим, что «фантастический рассказ» Достоевского оказывается встроенным в широчайший культурно-исторический контекст. Христианская идея проявляется через «живой образ» Истины не только в художественной, но и в публицистической части «Дневника» — рассуждения Достоевского о великом деле Православия на Балканах, о выступлении русского народа в защиту единоверцев, о прошлом и будущем России органично соединяются с рассказом о человеке, очистившем свою душу от греха и обретшем смысл жизни в сочувствии и служении другим. На соединение этих тематических планов указывает, казалось

⁶⁶ Касаткина Т. Указ. соч. С. 59.

⁶⁷ Померанц Г. Два порочных круга // Достоевский и мировая культура. СПб., 2000. № 15. С. 18. См. также: Буланов А. М. Диалектика «ума» и «сердца» в романах Ф. М. Достоевского // Буланов А. М. Художественная феноменология изображения сердечной жизни в русской классике. (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой). Волгоград, 2003. С. 72—156; Фойер (Миллер) Р. «Сон смешного человека» Достоевского: Попытка определения жанра // Достоевский и мировая культура. СПб.; М., 2004. № 20. С. 163—164; Ашимбаева Н. Особенности «сердцеведения» Достоевского // Ашимбаева Н. Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб., 2005. С. 67—87.

⁶⁸ Галаган Г. Я. Проблема «лучших людей» в наследии Ф. М. Достоевского (1873—1876) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 107.

⁶⁹ РГБ. Ф. 93.1.2.12. Л. 153, 159, 162 (черновой автограф); ИРЛИ. Ф. 100. № 29480. Л. 32, 36 об., 39 об. (наборная рукопись, список А. Г. Достоевской).

бы, незначительная орфографическая деталь — прописная буква в слове «Истина», объединяющем обе главы апрельской книжки. Думается, это и другие написания, наделенные особым идейно-художественным смыслом, важно сохранять в каноническом тексте — более корректным будет наше представление об авторских идеях и поэтике произведения.

© Б. Ф. Егоров

Ю. Н. ГОВОРУХА-ОТРОК И В. М. ГАРШИН

Ю. Н. Говоруха-Отрок оставил нам литературно-критические труды о всех выдающихся русских писателях его времени. О Толстом, Тургеневе и Короленко он создал целые монографии, о Гончарове, Достоевском, Салтыкове-Щедрине, Островском, Некрасове опубликовал значимые статьи. Постоянно следил за творчеством Чехова, тоже опубликовал несколько статей о нем; если бы критик так рано не скончался (1896 г.), он наверняка свой комплект статей о Чехове расширил бы до целой книги. А из всех современников ему был ближе всего Гаршин, по ряду причин, о которых и пойдет речь в данной статье.

Писатель и критик (впрочем, тоже писатель) были почти ровесниками. Гаршин родился в 1855 году, Говоруха-Отрок, по новейшим разысканиям З. Т. Прокопенко,¹ в 1854-м. Оба выросли в дворянских семьях среднего достатка, обе семьи — офицерские, обитавшие и во время службы отцов, и после их отставки на юге России (семья Говорухи-Отрока осела под Белгородом, Гаршина — на Украине, в Екатеринославской и Харьковской губерниях). Рано оба мальчика познали жизнь своих матерей с другими мужьями, т. е. для детей — с отчимами (второй брак матери Говорухи-Отрока состоялся после ранней смерти ее первого мужа, отца будущего литератора, а мать Гаршина порвала с мужем, уйдя от него с домашним учителем детей П. В. Завадским). Было сходство в психическом облике: оба юноши — нервные, страстные, сосредоточенно думающие, обоих охватывало меланхолическое состояние.

Радикальные веяния 1870-х годов реализовались у Гаршина в патриотических предвоенных настроениях и в желании участвовать в освобождении братьев-славян (отправился в 1877 году на русско-турецкую войну), а у Говорухи-Отрока — в юношеском сближении в Харькове с революционерами-народниками, что ему, однако, стоило трех лет (1874—1877) сидения в петербургских тюрьмах, пока велось следствие по знаменитому «процессу 193-х». Разочарование в идеалах юности у Говорухи-Отрока было, конечно, несравненно более мощным и потрясающим, чем у Гаршина, но все-таки разочарование и переоценка ценностей характерны для обоих.

Тем более отталкиванию от радикальных и утопических увлечений способствовали последующие террористические акции: 24 января 1878 года Вера Засулич неудачно стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, 4 августа того же года С. М. Кравчинский убил в столице шефа жандармов Н. В. Мезенцева, 9 марта 1879 года Г. Д. Гольденберг убил в Харькове губернатора Д. Н. Кропоткина, 5 февраля 1880 года С. Н. Халтурин, покушаясь на царскую семью, взорвал несколько комнат в Зимнем дворце, убил и искалечил 54 солдата конвоя; И. И. Млодецкий две недели спустя неудачно покушался на жизнь графа М. Т. Лорис-Меликова, возглавлявшего комиссию по борьбе с террористами (Гаршин, приходивший

¹ Говоруха-Отрок Ю. Н. Собр. соч. Белгород, 2005. Т. 1. С. 9.